

Филиппов Василий Дмитриевич
Самарский государственный технический университет

Filipov Vasily
Samara State Technical University

**ВАЛЬТЕР ГРОПИУС, ИСТОРИЯ IV КОНГРЕССА CIAM,
АФИНСКАЯ ХАРТИЯ И НЕКОТОРЫЕ ЕЁ ИТОГИ**

**WALTER GROPIUS, HISTORY OF THE IV CIAM CONGRESS,
THE CHARTER OF ATHENS AND SOME OF ITS RESULTS**

Описана история появления идеи многоэтажного жилищного строительства, начиная с проекта экспериментального поселения Шпандау-Хазельхорст Вальтера Гропиуса и последовавшего за ним доклада Гропиуса III конгрессу CIAM. Показаны условия, в которых собирался IV конгресс CIAM – мировой экономический кризис, усиление авторитаризма в мире, отсутствие немецких, американских и советских архитекторов, а также оппонентов Ле Корбюзье в других делегациях. Описана история проведения IV конгресса и появления спустя десять лет после него двух вариантов Афинской хартии. Приведены отличия варианта Хосе Луиса Серта и варианта Ле Корбюзье, а также некоторые результаты её реализации. Описана реализация идей, как отличных от Афинской хартии, так и её последователями в Великобритании и место, которое в итоге заняло в стране многоэтажное жильё. Приведён пример строительного регулирования в Германии, делающий строительство многоэтажного жилья экономически невыгодным.

The history of the emergence of the idea of multi-story housing construction is described, starting with the project of the experimental settlement of Spandau-Haselhorst by Walter Gropius and the subsequent report of Gropius to the third CIAM congress. The conditions under which the IV CIAM Congress met are shown - the world economic crisis, the strengthening of authoritarianism in the world, the absence of German, American and Soviet architects, as well as opponents of Le Corbusier in other delegations. The history of the IV Congress and the appearance, ten years after it, of two versions of the Athens Charter are described. The differences between José Luis Sert's version and Le Corbusier's version are presented, as well as some results of its implementation. The implementation of ideas, both different from the Athens Charter and its followers, in Great Britain and the place that the construction of multi-storey housing eventually took in the country is described. An example of construction regulation in Germany is given, which makes the construction of multi-story housing economically unprofitable.

Ключевые слова: город-сад, единица соседства, строчная застройка, Вальтер Гропиус, экспериментальное поселение Шпандау-Хазельхорст, Роман Хайлигенталь, доклад Гропиуса III конгрессу CIAM, товарищество и господство, история IV конгресса CIAM, различие вариантов Афинской хартии, план Аберкромби, Эрнё Голдфингер, движение яппи, строительный регламент детской площадки в Германии

Keywords: garden city, neighborhood unit, zeilenbau, Walter Gropius, experimental settlement of Spandau-Haselhorst, Roman Heiligenthal, Gropius's report to the third CIAM congress, partnership and dominance, history of the IV CIAM congress, difference in the variants of the Athens Charter, Abercrombie plan, Ernő Goldfinger, yuppie movement, construction regulations for a playground in Germany

Введение

В России, в отличие от европейской и американской практики, основным видом строительства жилья, прежде всего в крупных городах, является многоэтажное строительство. Его достоинства, с точки зрения застройщиков, вполне очевидны – с минимальной площади строительной площадки можно извлечь максимальную прибыль, а если

использовать готовые, проложенные в центре города коммуникации, то прибыль становится и вовсе космической. Что при этом станет с построенными домами лет через 25, как обслуживать и ремонтировать такие здания – застройщиков на данный момент крайне мало интересует. Такому легкомыслию способствует: либерализация строительной отрасли, отмена «лишних» законодательных ограничений, а также доставшиеся в наследство от советской эпохи

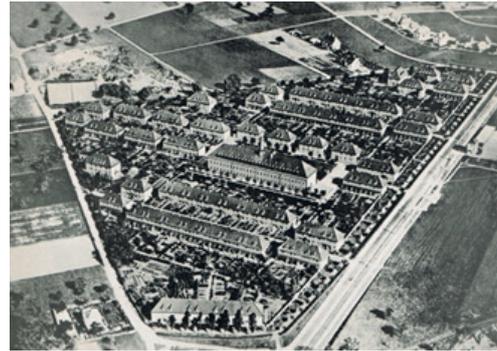

Рис. 1. Поселения «Нового строительства»: «Георгсгартен», 1926 г., Целле, Германия. Арх. Отто Хеслер и «Фрайдорф», 1924 г., Базель, Швейцария. Арх. Ханнес Майер

большие индустриальные домостроительные мощности и монополизация строительной отрасли. Это даёт колоссальную и трудно преодолимую инерцию, что приводит к постоянному воспроизводству данного метода возведения жилья. У такого строительства есть и идейная основа, изложенная в своё время в Афинской хартии. Предыстория и история создания этого документа являются темой статьи. Также на примере Великобритании приводятся малоизвестные данные по внедрению идей Афинской хартии и его результатам.

Строчная застройка Веймарской республики и «единица соседства» Кларенса Перри

Идея города-сада и архитектура воздуха и света горных санаториев (чему в одном Давосе, кроме работ Пфлегхарда и Хефели [1], можно найти примеры у других архитекторов) после Первой мировой войны изменили и градостроительство, и архитектуру. В течение десятилетия 1920-х гг. эти идеи, применённые немецкими архитекторами и градостроителями для улучшения физического и духовного здоровья жителей в городе, стали дальнейшим развитием принципов гуманизма немецкого классического градостроительства (рис. 1).

Своеобразным синтезом градостроительной идеи города-сада и архитектурной идеи зданий горных санаториев с избытком чистого воздуха и солнечного света стала в Германии идея строчной застройки, впервые полностью и последовательно реализованная Отто Хеслером в 1926 г. в поселении Георгсгартен [2]. Отличие было в ориентировании зданий относительно сторон света: у солнечных санаториев расположение было широтным, а у зданий немецких поселений 1920 гг. – меридиональным, что позволяло использовать солнечное освещение во всех помещениях квартир здания в разное время в течение светового дня. Движение «Новое строительство» (Neues Bauen) в 1920-х гг., где следовали этой идее, распространилось в Европе, помимо Германии, прежде всего в немецкоязычных странах – Австрии и Швейцарии, но безусловным лидером была Германия.

В США в 1929 г. появилась концепция небольших самостоятельных поселений, на которые при расшире-

нии или реконструкции нужно делить город. Социолог Кларенс Перри опубликовал идею «единицы соседства» (Neighborhood Unit)¹, где предложил делить город на небольшие (от 5 до 6 тыс. жителей, при этом из них 800-1000 детей младшего школьного возраста) поселения, ограниченные городскими магистралями. Их следовало организовывать вокруг ядра – начальной школы, – и представляли они «защищенную жилую ячейку, в пределах которой можно добраться до основных мест назначения обычных семей – школ, игровых площадок и местных магазинов, не пересекая ни одной главной магистрали» [3]. Так Перри впервые на системном уровне внёс в градостроительство ещё одно измерение – социологическое. Видна близость концепции исходной идее города-сада, но тут самостоятельное поселение перенесено непосредственно в большой город.

Можно найти общее и с идеями «Нового строительства»: почти полностью концепцию Перри предвосхитил на практике Ханнес Майер при постройке в 1924 г. поселения кооперативного товарищества «Фрайдорф» возле Базеля: посёлок Майера точно так же сгруппирован вокруг общественного центра, Дома Товарищества, с начальной школой и гимназией и так же ограничен с двух сторон дорогами, правда не городскими, а пригородными. Ещё в поселении Майера у каждой квартиры был свой садовый участок (в 1912–1913 гг. он жил в Англии, на месте изучая города-сады Лечуэрт, Борнвилль и Порт Санлайт) и применена строчная застройка, но из-за треугольной формы участка не до конца последовательно [2]. Так концепция города-сада Говарда к концу 1920-х гг. стала источником появления ещё двух идей: поселений «Нового строительства» в Германии и немецкоязычных странах, и идеи «единицы соседства» Кларенса Перри в США. Вместе эти три концепции объединяла забота о душевном здоровье человека в большом городе, необходимым условием чего является комфорт совместного проживания с другими людьми и возможность безопасно растить и воспитывать своих детей.

¹ Не путать с советским и особенно с российским микрорайоном, где число жителей не ограничено и сегодня достигает (например, в Краснодаре) 100 тыс. человек, при острой нехватке школ и дошкольных учреждений.

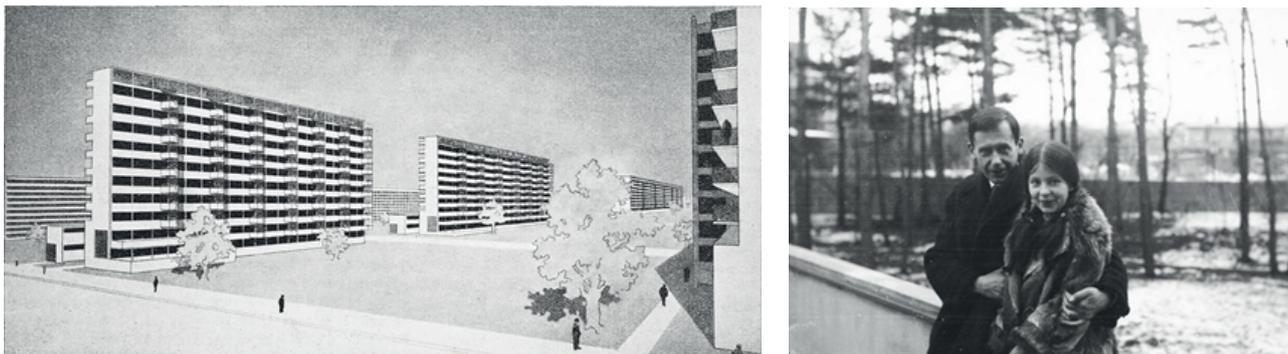

Рис. 2. Проект экспериментального поселения Шпандау-Хазельхорст, Берлин. План D – перспектива, 1930. Арх. Вальтер Гропиус, Стефан Фишер; Вальтер Гропиус (1883-1969) и его родная дочь Манон Гропиус (1916-1935) в Дессау, 1927. Archives of American Art, Smithsonian Institution

Дальнейшее развитие градостроительства было надолго прервано 24 октября 1929 г. крахом на фондовой бирже в Нью-Йорке, переросшим во всём мире в Великую депрессию. Экономика Веймарской республики, и без того обескровленная после Первой мировой войны аннексиями и контрибуциями Версальского мира, полностью зависела от внешних займов и поэтому практически сразу рухнула, началась гиперинфляция и полностью прекратилось строительство. Немногим лучше положение было в других странах европейской цивилизации. Результат отразился на немецких архитекторах, лидерство которых в строительстве жилья было несомненным, о чём сообщал в 1932 г. Филип Джонсон в статье про Отто Хеслера: «Отто Хеслер является главным архитектором жилья в Германии и, возможно, в мире, поскольку Германия до сих пор опережает другие страны в решении жилищной проблемы» [4]. Не сразу, но изменение настроений среди ряда ведущих немецких архитекторов привело к «великому перелому» в философии градостроительства, именно в жилищном строительстве, являющемся важнейшей его частью, и, в конечном итоге, этот «перелом» завершился общеизвестной катастрофой Прютт Айгоу и ему подобных [5].

Вальтер Гропиус: проект Шпандау-Хазельхорст и доклад на III конгрессе CIAM

Начало процессу положил доклад Вальтера Гропиуса III конгрессу CIAM в Брюсселе 27-29 ноября 1930 г. – мировой экономический кризис был уже в полном разгаре. Чтобы понять причины появления доклада Гропиуса, нужно знать его предысторию. В 1928 г. «Имперское общество исследований экономической эффективности в строительстве и жилье» объявило общегерманский конкурс предварительных проектов экспериментального поселения Хазельхорст (Reichsforschungssiedlung Haselhorst) в районе Берлина Шпандау (рис. 2).

Итоги конкурса были подведены весной 1930 г., и, согласно им, проект Отто Хеслера и Карла Фёлькера получил четвёртую премию (разделив её с несколькими проектами других архитекторов), а первая была присуждена проекту Вальтера Гропиуса и Стефана

Фишера. Жюри так пояснило своё решение: «Проект значительно превосходит общий уровень по своей научной проработке, это является причиной оценки в первую очередь. Авторы сопоставляют различные системы застройки в четырех вариантах, но не выбирают ни одного решения как наиболее экономичного» [6]. В их проекте были представлены такие варианты: План А – застройка двух-, трёх-, четырёх- и пятиэтажными зданиями; План В – двухэтажные здания, частично с мансардами; План С – застройка пятиэтажными сдвоенными аркадными зданиями, между парами общие лестницы с лифтами; План D – застройка 12-этажными аркадными зданиями.

Вариантами С и D было предусмотрено централизованное управление поселением. По плану А в поселении размещалось 2811 квартир (включая 150 однокомнатных), по плану В – 3031 квартира (включая 566 однокомнатных), по плану С – 4715 квартир, по плану D – 4616 квартир (включая 576 однокомнатных). В решении жюри также было сказано: «Жюри считает, что условия местности исключают использование варианта D, а вариант С также превышает желаемый уровень высоты застройки» [6].

Роман Хайлигенталь провёл критический обзор проектов конкурса и обнаружил следующее: «Проекты, получившие первое (прим.: проект Гропиуса и Фишера), второе и пятое места, достигли большой красоты плана за счет небольшого «градостроительного планирования» посредством перемещения дамбы Саатвинклер. Нет никаких сомнений в том, что плотина Саатвинклер, протянувшаяся по прямой на протяжении 5 км, не будет сдвинута на 200 м, чтобы можно было расширить планировочную схему на еще один гектар на ограниченном участке. Это преимущество, несомненно, не перевесит того недостатка, что автомобили, в будущем прибывая из Шпандау, окажутся в судоходном канале» [7]. Отметив отсутствие в большинстве проектов связи открытых пространств с пространствами района, изъяны в ветрозащите и транспортном обеспечении строительства, Хайлигенталь пишет: «Конкурс принес много хороших предложений по вопросу строительства жилья. Прежде всего, было создано несколько

очень хороших планов этажей». А в целом «Жюри не хватило уровня инженеров-архитекторов. Можно сказать, что участникам конкурса тоже не хватало этого уровня — именно среди судей. ... Инженеры (прим: это градостроители с комплексным взглядом на поселение) должны быть в жюри таких соревнований. Это единственный способ избежать того, чтобы практический опыт оценивался как предмет моды, а безразличие к внешнему виду возводилось в принцип» [7].

Конкурс предварительных проектов воспринимали как источник идей для дальнейшей реализации, потому ни один из отмеченных на нём проектов реализован не был и, тем более, не была реализована 12-этажная застройка Гропиуса и Фишера, отклонённая решением жюри. Район застройки разделили на 4 участка, на которых проектирование поручили: Фреду Форбагу (1), Паулю Мебесу и Паулю Эммериху (2, 3), Отто Бартнигу (4). В проекте участвовали архитекторы: Эрих Боне, Альфред Геллхорн, Александр Кляйн, Эрнст и Гюнтер Паулюсы, Петер Юргенсен. Участок целиком застроили четырёхэтажными жилыми зданиями, вмещавшими около 3500 квартир, где проживало примерно 12000 жителей. Здесь было около 40 магазинов, кино-театр, начальная школа и церковь. Это было последнее и самое крупное поселение «Нового строительства» Веймарской республики, которое достраивалось уже при власти нацистов в течение 1930–1935 гг. [8]. История конкурса предварительных проектов поселения Шпандау-Хазельхорст показывает, что первой премией проект Гропиуса-Фишера был награждён совсем не за 12-этажную жилую застройку (отклонённую жюри так же, как и сплошную 5-этажную), а за самое основательное, среди участников конкурса, исследование возможных вариантов застройки данного участка в районе Шпандау. Также перемещение на бумаге плотины Саатвинклер на 200 м, для «удобства градостроительства», сделало его вариант проекта и вовсе неисполнимым, что явилось причиной передачи заказа на рабочее проектирование поселения другим архитекторам.

В январе 1932 г. Роман Хайлигенталь прочёл доклад в Высшей технической школе Карлсруэ, где он возглавлял первую в Германии кафедру градостроительства, основанную его учителем Рейнхардом Баумайстером, который назывался «Государство и поселение» и был посвящён двум основным идеям германского (а реально европейского и мирового) градостроительства: демократической идее товарищества и авторитарной идее господства. Приведем основные положения, на которых был построен доклад Хайлигенталь: «Принципом товарищества в поселениях является организация от индивидуального к общему, стремление помочь себе и ограничение руководящей деятельности для поддержки самопомощи. Эти поселения кажутся индивидуальными и нерегулярными; их управление характеризуется децентрализацией и привязкой к ближайшим целям. ... Принцип господства в системе поселений предполагает организацию от общего к частному и влияние сверху.

Технически эти поселения являются систематическими и рациональными; их управление характеризуется централизацией и, по возможности, всеобъемлющим регулированием. ... Для характера поселения в первую очередь важна общая структура сообщества, построение снизу или распространение сверху, развитие из ячеек или построение централизованной организации» [9, 10]. Градостроительное исследование, проведённое в проекте экспериментального поселения Шпандау-Хазельхорст Гропиусом и Фишером, дало иллюстрацию реализации этих двух идей: варианты А и В смешанной и малоэтажной застройки поселения, даже при регулярности строчной застройки, не требовали централизованного управления ими, то есть соответствовали идее товарищества, а варианты С и D среднеэтажной и высотной застройки поселения без централизованного управления обойтись не могли, то есть были примерами осуществления идеи господства.

Прежде чем анализировать доклад Гропиуса III конгрессу CIAM, оказалось необходимым найти его достоверный текст. В русском варианте текста в книге «Границы архитектуры», перевода с английского книги Scope of Total Architecture 1955 г., есть фраза: «Доктор Мартин Вагнер, бывший член Строительной комиссии Берлина, страстный защитник **высотных домов**, считает установленным фактом...»² В тексте книги на английском, проверенном в 1955 г. Гропиусом, фраза выглядела иначе: “*Dr. Martin Wagner, former building commissioner of Berlin, a passionate defender of house construction, considers it an established fact...*”³ (Доктор Мартин Вагнер, бывший уполномоченный Берлина по строительству, страстный защитник **строительства жилья**, считает это установленным фактом...). Сам доклад в ноябре 1930 г. был прочитан на немецком, в феврале 1931 г. напечатан в журнале Das Neue Frankfurt⁴ Эрнста Мая, а в августе 1931 г. – в швейцарской Schweizerische Bauzeitung [11]. Так как текст в Das Neue Frankfurt был набран авангардным шрифтом, новейшим и нечитаемым, без заглавных букв, и даже далеко не каждый немец смог бы его понять, идентичный текст доклада в «Швейцарской строительной газете» также можно считать исходным. В этом тексте фраза Гропиуса выглядела уже совсем иначе: „*Der Stadtbaurat von Berlin, Dr. Martin Wagner, ein leidenschaftlicher Vorkämpfer für den Flachbau, hält es für erwiesen*“ (Уполномоченный по

2 Границы архитектуры / Вальтер Гропиус; пер. А. С. Пинскер, В. Р. Аронова, В. Г. Калиша. М.: Искусство, 1971. С.168.

3 Walter Gropius. Scope of Total Architecture. Collier Books, Fourth printing. 1970. p. 108.

4 Gropius, Walter: Flach-, Mittel-, oder Hochbau?: Vortrag am III. intern. Kongreß für Neues Bauen, Brüssel 17-19. November 1930. Das Neue Frankfurt, 1931, Jg. 5, Heft 2 (Februar 1931), s. 22-34. doi:10.11588/digit.17293.16.

строительству Берлина, доктор Мартин Вагнер, страстный поборник **малозэтажного строительства**, считает доказанным). Изменение смысла на противоположный, в результате превратностей двойного перевода, не позволяет считать текст в русском издании достоверным, поэтому для анализа доклада Гропиуса далее везде использовался перевод автора с немецкого оригинала из Schweizerische Bauzeitung [11].

Доклад Гропиуса стал продолжением исследований для конкурса экспериментального поселения, на которые уже воздействовало дальнейшее ухудшение положения в строительной отрасли Германии. Начало доклада внушало оптимизм: *«Социальные предпосылки здоровой жилищной политики, несомненно, даже более насыщены, чем экономические, потому что экономика, при всем ее значении, является не самоцелью, а только средством для достижения цели, поэтому всякая рационализация имеет смысл лишь в том случае, если она имеет эффект обогащения жизни, т. е. если, переводя на язык экономики, экономит на самом дорогом «товаре», на силе народа»*. Но тут же проявляет себя экономический кризис, и экономика уже становится самоцелью: *«При нынешнем положении вещей идея размещения большинства людей в собственных домах, безусловно, является экономической утопией»* [11].

Далее следует: *«индивидуальный дом предназначен для экономически более высокого класса населения. Однако, поскольку для некоторых слоев населения он, несомненно, несет с собой необходимые ценности для семейной жизни, особенно для детей, государство должно поощрять планомерное строительство этой формы жилья там, где есть потребность в домовладении»* [11]. То есть семейные ценности, а именно воспитание детей, необходимы лишь для некоторых слоев населения. Гропиус в докладе рассматривает две крайности – дом для одной семьи и большой многоквартирный дом, почему-то не упоминая заблокированные двухэтажные дома в строчной застройке, то, что он сам вместе с Отто Хеслером реализовал в Даммерштоке [2], где, благодаря саду у каждой квартиры, место для детей всё-таки было.

Для детей в многоквартирном доме предусмотрено следующее: *«Эксплуатационная безопасность лифтов должна быть повышена, чтобы дети также могли безопасно ими пользоваться, и это скорее экономический, чем технический вопрос. Отвращение к большому дому часто связывают с трудностями в уходе за детьми. Современные детские сады – это еще не панацея. Тем не менее, благоустроенный, гигиенически улучшенный детский сад (лучше всего расположенный в зеленых насаждениях между рядами) и ясли для маленьких детей (встроенные в сады на крыше) остаются правильными целями»* [11]. Однако Гропиус, имея своих детей, на самом деле всё понимает: *«Жильё в малозэтажном доме с садом предлагает больше покоя и уединения, возможность отдыха и свободного движения в собственном саду, и более легкий присмотр за детьми; оно убыточ-*

но, как небольшое жильё, более дорогое и трудоемкое в управлении, требует длительных поездок и делает жильцов малоподвижными. Жильё в большом здании обеспечивает короткие поездки, экономя время и деньги, центральные средства для управления и социальных стимулов; это создает трудности для присмотра за детьми вне дома из-за вертикальных расстояний, но это экономно, как небольшое жильё, и способствует духу сообщества». Затем: *«Большой многоэтажный дом намного воздушнее, солнечнее и просторнее, он обеспечивает максимальное количество зелени, в которой дети, в частности, могут беспрепятственно реализовать свое желание играть и шуметь»* [11]. Добавим: вырастая без присмотра родителей, беспрепятственно собираются в подростковые банды, ставшие одной из главных причин краха многоэтажного жилья для семей с невысоким доходом (кому Гропиус его предназначал) в США и других странах [5].

Главными преимуществами многоэтажного многоквартирного дома Гропиус в докладе считал экономию на площади строительного участка и экономию на транспортных расходах. Но ещё за двадцать лет до этого Рейнхард Баумайстер заметил: *«Катастрофическим было одобрение пятиэтажных зданий по всему Берлину, хотя чиновники и пытались тогда это оправдать тем, что квартиры должны были подешеветь. На самом деле произошло обратное, потому что именно в результате этой меры спекуляция смогла поднять стоимость земли выше, чем она соответствовала тогдашним скромным формам жизни»* [12]. И факт, что *«даже самые последние строительные нормы еще слишком сильно несут на себе отпечаток борьбы между спекуляцией и общественными учреждениями»* [12], говорит только о том, что других средств борьбы со спекулятивным повышением стоимости земли и жилья, кроме как ограничением этажности зданий, с тех пор найдено не было. Взамен этого средства Вальтер Гропиус не предлагает ничего, кроме *«центральной социальной идеи, устремленной в будущее, которая, исходя из биологической основы жизни, пригодна для систематического контроля над частными интересами»* [11]. Одну из подобных центральных идей спустя всего три года сам Гропиус в полной мере испытал на себе, и в результате этого на многие годы перестал быть немецким архитектором (рис. 3).

В докладе Вальтер Гропиус, как аргумент, приводит данные исследования Лео Гамбурга (эта часть в русском и американском издании отсутствует) по оптимальной этажности коммерческих зданий, тем самым уравнивая жилые дома для постоянного проживания с отелями или офисными зданиями, которые предназначены для временного пребывания: *«Лео Гамбург в ходе тщательного изучения «больших зданий и городской застройки» приходит к выводу, что как общая требуемая площадь, так и площадь застроенной улицы в городе уменьшаются с увеличением высоты здания, в то время как требуемое расстояние и время с увеличением высоты*

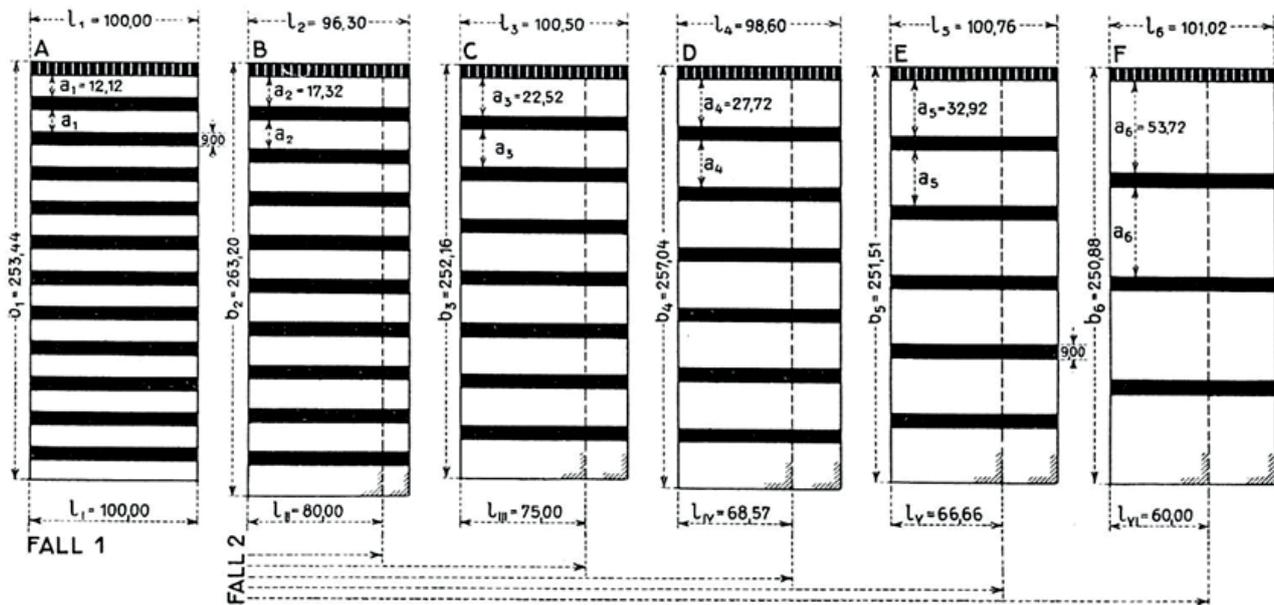

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая экономию площади строительного участка при увеличении этажности жилищного строительства (дома в 2, 3, 4, 5, 6 и 10 этажей) [11]

здания уменьшаются в относительно небольшой степени» [11]. Так как коммерческие здания занимают небольшую часть пространства города, Гропиус делает вывод, что, применив такую типологию «ко всему городскому пространству, горизонтальные расстояния уменьшились бы ... значительно» [11], таким образом уменьшив транспортные расходы.

Так основатель современной европейской архитектуры Вальтер Гропиус, пытаясь экономической эффективностью многоэтажных зданий привлечь во время кризиса средства на строительство, по сути призвал: от градостроительства товарищества, которому следовали все поселения «Нового строительства», включая его с Хеслером Даммершток [2], по Хайлигенталю, перейти к градостроительству господства с управлением поселениями свыше. Уверенности в своей правоте у Гропиуса не было, о чём говорит неоднократное повторение тезиса о необходимости сохранения малоэтажного строительства, не добавляли её и ссылки в докладе на Хайлигенталю и его правило [2]. Но социальные изменения, вызванные мировым кризисом, привели в Европе к усилению авторитаризма, а ему идея господства, с отошедшим на второй план вниманием к горожанам и к их физическому и духовному здоровью, вполне соответствовала.

Предпосылки и проведение IV конгресса CIAM. Появление Афинской хартии

Сперва в Италии, где к концу 1920-х гг., ещё до кризиса, фашисты захватили всю полноту власти, затем в 1929 г. в СССР, где, после относительной демократии НЭП, начался «великий перелом» и коллективизация,

ради форсированной индустриализации с целью подготовки к войне, наконец в Германии, где за 1931-1933 гг. власть в стране была захвачена нацистами – во всех этих странах всё неизбежно вело к централизации градостроительства и к полному торжеству идеи господства. При этом, по свидетельству Хайлигенталю, в то же самое время «французская система поселений Третьей республики по своей связанности мало чем отличается от системы поселений Второй империи» [9, 10], то есть принцип господства, когда жизненные потребности горожан определяются стоящими над ними – или государством, или строительной монополией, преследовавшими свои политические или корыстные интересы, – и во Франции начала 1930-х гг. сомнению не подвергался.

В такой обстановке состоялся IV конгресс CIAM. Проведение этого конгресса планировалось в Москве, сперва в 1931 г., затем в 1932 г., и затем в 1933 г. Но, вероятно, из-за «узости CIAM как исключительно союза единомышленников – сторонников «новой архитектуры» и поэтому «непригодности конгресса с точки зрения имиджевых и пропагандистских задач», в связи с первыми результатами «великого перелома», «апогеем которых стал массовый голод осени 1932 – зимы 1933 г.» [13], конгресс в 1933 г. был уже в очередной раз перенесён на 1934 г., что вынудило CIAM собрать его в 1933 г. в другом месте. Советским архитекторам, сделавшим в начале 1933 г. всё, что было в их силах, для проведения конгресса в Москве, осталась только возможность объяснить своё отсутствие «чрезвычайно интенсивной строительной работой, которая не дает возможности никому из наших делегатов отлучиться во время строительного сезона и принять участие в вашем конгрессе», сообщив это в направленной конгрессу привет-

ственной телеграмме, подписанной Виктором Весниным, Каро Алабяном и Давидом Аркиным [13].

Участие в IV конгрессе CIAM Вальтера Гропиуса точно так же ограничилось отправкой приветственной телеграммы [14]. Другие ведущие немецкие архитекторы, а также градостроители в конгрессе практически не участвовали: например, был Вольфганг Бангерт, планировавший в команде Эрнста Мая ряд поселений Нового Франкфурта, но самого Эрнста Мая здесь не было, «в немецкую группу входили уроженец Венгрии Мохולי-Надь, но не Гропиус, Брёйер или Мис ван дер Роэ» [14]. Ко времени начала конгресса, 29 июля 1933 г., проведённого на пароходе по пути из Марселя в Афины, с пребыванием в Афинах с 1 по 10 августа, и обратно в Марсель, немецким архитекторам «Нового строительства» стало уже совсем не до морских круизов. 30 января 1933 г. к власти в Германии пришёл Адольф Гитлер, а 19 июля 1933 г. в Берлине окончательно ликвидирован Баухаус, до этого ещё 30 сентября 1932 г. изгнанный из Дессау, сформировавшийся как основная школа подготовки кадров для немецкой современной архитектуры.

Также не было на конгрессе и американских архитекторов. Планы Лос-Анджелеса Рихарда Нойтры и Детройта Кнуда Лонберг-Хольма на выставке «Функциональный город», вокруг которой была построена вся работа конгресса, представляли входивший в недавно созданную группу MARS (представлявшую на конгрессе Британию) канадец Хазен Сайс (Hazen Sise) и голландец Корнелис ван Эстерен [14]. Всего были выставлены, как поначалу на прогулочной палубе парохода, так затем и в Афинах, в одном масштабе планы 33-х городов, разделённых на 7 функциональных групп: мегаполисы, административные города, портовые города, промышленные города, города удовольствий, многофункцио-

нальные города и новые поселения (рис. 4).

Самыми многочисленными на конгрессе были делегации Швейцарии во главе с Зигфридом Гидионом и Франции во главе с Ле Корбюзье. В швейцарской делегации не было архитекторов Ханнеса Майера и Ганса Шмидта, во французской не было «антагониста Ле Корбюзье» архитектора Андре Люрса, но числились художник Фернан Леже, дизайнер мебели Шарлотта Перриан, врач-синдикалист и редактор, доктор Пьер Винтер. В голландской делегации был Корнелис ван Эстерен, но не было Марта Стама. Когда-то на первом конгрессе CIAM именно Март Стам, Ханнес Майер и Ганс Шмидт не дали Ле Корбюзье навязать собранию свои градостроительные концепции и взяли на себя ведущую роль в создании его заключительной Декларации [14]. Таким образом, у Ле Корбюзье на IV конгрессе CIAM оппонентов не нашлось. В делегации Испании выделялся Хосе Луис Серт, сыгравший затем свою, многими уже забытую, роль в подведении его итогов.

Фактическое отсутствие немецкой делегации, с её координирующими способностями и, единственной из всех имевшей опыт практики современного градостроительства, привело к тому, что итогового документа на конгрессе принято не было, а полемика здесь достигала такого уровня, что Алвар Аалто, примкнувший к финской делегации в Афинах, предложил реорганизовать CIAM в три «схожие по темпераменту» географические группы, «англо-скандинавскую, центрально-европейскую и средиземноморскую», чтобы хотя бы внутри них найти общий язык. Эрнэ Голдфингер, входивший в делегацию Франции, затем вспоминал: «Семь или восемь лет спустя Ле Корбюзье в Париже и Серт, уже уехавший в Соединенные Штаты, написали эту Афинскую хартию. Ни о каком таком документе не могло быть и

Рис. 4. IV конгресс CIAM: собрание на прогулочной палубе и участники конгресса в Афинах [14]

речи, когда мы были в Афинах. Была большая выставка, но и только» [16]. Лишь после многолетних согласований и назначения лично ответственных итоговый документ IV конгресса впервые опубликован был Хосе Луисом Сертом в 1942 г. в США, куда он был вынужден в 1939 г. эмигрировать из Испании, в виде книги «Смогут ли наши города выжить?» [16], а затем в 1943 г. в фашистской Франции, от имени CIAM-France, его опубликовал Ле Корбюзье под названием «Афинская хартия» [17].

Оба издания, существенно отличаясь концепцией функционализма, заявили о легитимности притязаний архитектора на главенство в городском планировании: «После того как ответственность за публикацию перешла к двум лицам, «находки» CIAM IV были представлены миру как иллюстрированный справочник Серта по практике планирования и манифест крестового похода Ле Корбюзье. Последнее, в частности, эффективно популяризировало как название «Афинской хартии», так и ее репутацию бескомпромиссного изложения подхода современного архитектора к градостроительству» [14].

Благодаря общению с американскими коллегами, особенно с Льюисом Мамфордом, в книге Серта понятие функционализма стало более живым и наполненным, его городская единица «должна иметь возможность органически развиваться во всех своих различных частях. И каждая фаза её развития должна обеспечивать состояние равновесия соответствующих функций» [16, р. 249], функционализм был расширен за счёт восприятия человеческой духовности: «город не был бы функциональным, если бы он не удовлетворял и не стимулировал более благородные стремления его жителей – стремления, которые направлены к лучшей жизни, которые всегда побуждали людей стремиться к общественному существованию. Ибо стремления к благополучию и духовному совершенству расширяются и стимулируются в обмене идеями, которые характеризуют цивилизации» [16, р. 228].

У Ле Корбюзье всё было гораздо проще: «Город примет характер предприятия, которое было тщательно изучено заранее и подчинено строгому общему плану ... Подчиненный потребностям региона, призванный обеспечить основу для четырех ключевых функций, город больше не будет беспорядочным результатом случайных предприятий. Его рост не приведет к катастрофе, а станет венцом достижения» [17, р. 99-100]. Различалось и отношение к высотным жилым зданиям. Если, согласно Серту, необходимость их возведения зависела от потребностей вполне конкретной ситуации: «Современная техника должна применяться при возведении высоких, широко расставленных многоквартирных домов всякий раз, когда существует необходимость в жилье с высокой плотностью населения» [16, р. 247], то, согласно Ле Корбюзье, «выбор наиболее приятного вида, поиск самого чистого воздуха и наиболее полного пребывания на солнце и, наконец, возможность устройства

общественных объектов – школьных зданий, центров социального обеспечения и игровых площадок – в непосредственной близости от жилища, для образования его расширений. Только сооружения определенной высоты могут удовлетворительно соответствовать этим законным требованиям» [17, р. 65] – высотные жилые здания следовало строить повсеместно, при любой возможности.

Но так или иначе, у обоих авторов градостроительство сводилось к обеспечению выполнения городом четырёх функций: жилища, места работы, места отдыха и функции связи между первыми тремя (дороги).

Бенефициары Афинской хартии

Столь решительное упрощение городского планирования, игнорировавшее его социально-экономические основы, было очень привлекательно для архитекторов, позволив им заняться этим делом, заботясь исключительно о красоте макета застройки с высоты птичьего полёта и о полноте творческого самовыражения. С другой стороны, после разрушительной Второй мировой войны, когда потребовалось быстрое восстановление городов из руин, такая простота оказалась привлекательной для людей, принимавших решения – ведь им нужно было организовать строительство жилья для тех, кто его потерял, при этом строить как можно быстрее и как можно дешевле, а дешевле всего, в расчёте на «койко-место», это получалось, как ещё в 1930 г. показал Вальтер Гропиус (подробно было описано выше), при строительстве многоэтажного жилья. Потому после окончания Второй мировой войны CIAM перестал быть маргинальной группой, а наработки IV конгресса, в силу наибольшей простоты и отсутствия излишеств (вроде равновесия и благородных устремлений), именно в редакции Ле Корбюзье и Афинской хартии, стали во многих случаях руководством к действию.

Бенефициаром, несомненно, стал и застройщик – неограниченное увеличение этажности жилья и, следовательно, плотности заселения вело, согласно Баумайстеру [12], к постоянному увеличению стоимости земли под застройку, что вело, в свою очередь, к росту стоимости самого жилья, а это предоставляло широкие, постоянно воспроизводимые условия для безудержных спекуляций тем и другим. Наступил полный триумф идеи господства (согласно Хайлигенталю [9, 10]) в градостроительстве – за жителей городов стали решать, в каких домах и каких окружающих условиях им следует жить.

При административном управлении экономикой (и это не только в социалистических странах) функции застройщика брало на себя руководство городов, не преследуя целей спекулянтов, но получая при капитализме столь же благоприятные для них последствия. О физическом и душевном здоровье жителей города были призваны заботиться разработанные властями нормативы, выполнение которых должно было сви-

детельствовать о благополучии.

Там, где такое произошло, но еще оставалась свобода выбора, печальные последствия простых решений проявились примерно спустя четверть века – к середине 1970-х, и это затем привело к последовательному сносу всех «сооружений определенной высоты» (кроме тех, которые объявили памятниками), полностью соответствовавших нормативам, но пришедших в полную негодность из-за отсутствия понимания социальных основ градостроительства [5]. Благодаря сохранению монополии застройщика и потому отсутствию выбора, у нас подобная практика жилищного строительства продолжается и по сегодняшний день – но, благодаря отмене ограничительных нормативов ввиду либерализации (то есть ликвидации препятствий для безграничного обогащения), она приводит уже к совершенно потрясающим результатам, и с ними, по причине отсутствия выбора, жители городов вынуждены мириться (рис. 5).

Немецкий модернизм или «Новое строительство» (Neues Bauen) и возникшее благодаря ему новое градостроительство Веймарской республики были тесно связаны с классическим немецким градостроительством, неизбежно, в силу их общения и взаимодействия, являясь его развитием и продолжением. Приход к власти нацистов, а затем развязанная ими мировая война сперва привели к разрушению того и другого (путём подчинения представлениям нацистских вождей о правильном и прекрасном), затем, после разгрома нацистской Германии, и к полной их дискредитации, вместе со всей немецкой культурой и всем немецким. Поэтому Афинская хартия, предложив простые решения, заняла опустевшее место и стала основой для понимания и изучения градостроительства, которое по этой причине во многих языках временно, а во французском языке на постоянной основе сменило название с «градостроительства» (нем.: Städtebau) на «урбанизм» (фр.: Urbanisme), предложенное Ле Корбюзье в 1924 г. в одной из его книг, вместе со своими идеями [18].

Такое произошло в академических учебных заведениях и представлениях многих городских властей, но в градостроительной практике это происходило не всегда и не везде. В качестве примеров, ни в чём не следующих идеям Афинской хартии, можно привести план Большого Лондона в Великобритании, разработанный в 1944 г. под руководством Патрика Аберкромби, после войны в существенной степени реализованный, и рождение в США, также после войны, великого американского пригорода, самым известным образцом которого стал Левиттаун возле Нью-Йорка [19]. При многих различиях, между этими примерами можно найти общее. И полное неприятие механических идей Афинской хартии – это следствие, а не причина такой общности.

План Аберкромби, взлёт и падение строительства высотного жилья в Британии

Как Аберкромби написал ещё в 1913 г., он знал и вы-

соко оценивал немецкое классическое градостроительство [20]. До создания плана Большого Лондона он накопил собственный, уже всемирно признанный, опыт десятилетий, и не архитектуры, а городского планирования. Поэтому его план вобрал в себя все известные и получившие проверку временем достижения градостроительства. При его описании обращают внимание на города-спутники для разгрузки центра от перенаселённости и избытка предприятий, упоминается градация с уменьшением плотности заселения с удалением от центра города (к чему немецкие градостроители пришли ещё к началу XX в.). Но мало где описаны проведённые преобразования в самом городе (рис. 6).

Как их пример, можно привести реконструкцию района Степни лондонского Ист-Энда новым двухэтажным рядным строительством в соответствии с принципами Кларенса Перри. Роман Хайлигенталь в 1932 г. выделил англичан как нацию, в градостроительстве которой доминирует идея товарищества – от индивидуального к общему, сами жители сообща решают вопросы своей жизни в городе, не требуя руководства свыше [9, 10]. Этой идее, следуя непрерываемой британской традиции градостроительства, соответствовал план Аберкромби. В этом его радикальное отличие от Афинской хартии, целиком основанной на идее господства. Однако разрушения Лондона были столь значительны, а объём проектных работ так велик, что не привлечь все без исключения имевшиеся силы градостроителей и архитекторов к задачам послевоенного восстановления столицы было просто невозможно. И в дальнейшей проработке планов восстановления Лондона приняли участие адепты Афинской хартии, среди которых значительный вклад внёс участник IV конгресса CIAM, ещё с 1934 г. живущий в Англии, Эрнэ Голдфингер.

Так в столице Британии появились высотные жилые здания, идея которых пользовалась полной поддержкой властей города и государства, обещая быстро и недорого решить возникшую в результате разрушений от войны проблему катастрофической нехватки жилья. Принятый консерваторами в интересах застройщиков Закон о жилищных субсидиях 1956 г. высотному строительству прямо отдавал предпочтение. Квартиры в 4, 5 и 6-этажных домах получали намного большие субсидии от государства. Свыше 6 этажей субсидия росла на фиксированную сумму за каждый дополнительный этаж. Квартира в 4-этажном доме получала 20 фунтов стерлингов, а квартира в 6-этажном здании – 38 фунтов, что в 2,3 раза превышало субсидию на частный дом. Увеличиваясь на 1,15 фунта за каждый этаж, этот коэффициент по сравнению с обычным домом вырос до 3 для квартиры в 15-этажном и до 3,4 для одной квартиры в 20-этажном здании [22]. Пик ввода многоэтажного жилья в Великобритании пришёлся на 1963-1967 гг., за это время было сдано 200477 квартир в 2935 домах, что в среднем составляло по 68 квартир на одно здание [23].

С середины 1970-х стали проявляться серьёзные

Рис. 5. Самара, 5-я просека, 2018 г.; Ростов-на-Дону, прогулка младшей группы детского сада, 2015 г.

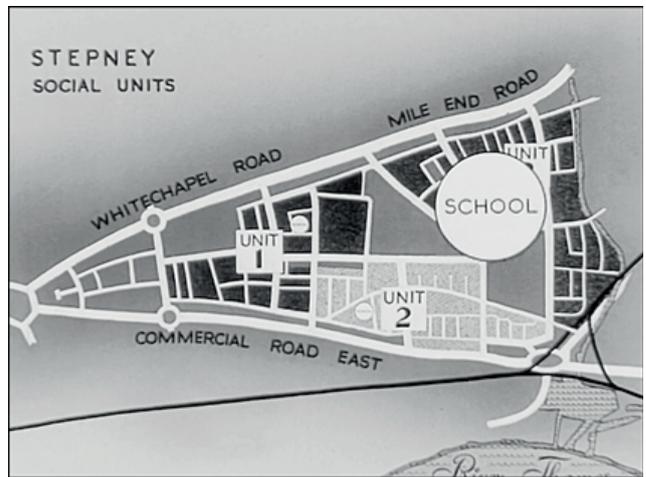
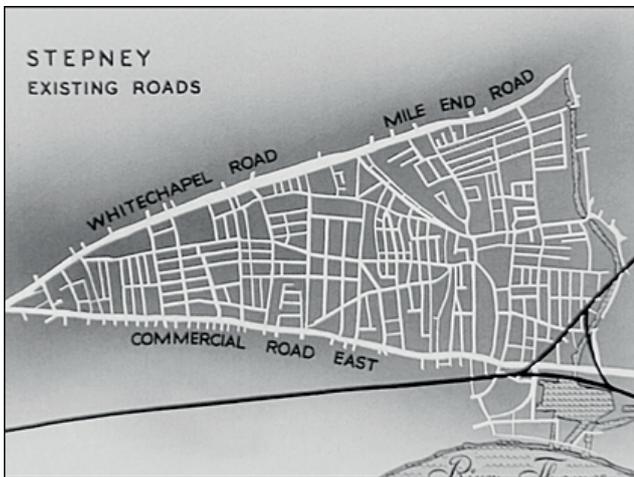

Рис. 6. План Большого Лондона. Преобразование района Степни в три единицы соседства [21]

проблемы многоэтажного жилья. Оказалось, что возможность глядеть на всех свысока – это далеко не то, и даже совсем не то, в чём человек нуждается для счастья и здоровья. Когда в начале 2000-х городской совет Бирмингема впервые запланировал снос почти всех 315 многоэтажных жилых домов в городе, репортёр «Гардиан» Мэттью Уивер составил краткий общепризнанный перечень достоинств и недостатков этого жилья. Достоинств, которые можно рассматривать всерьёз, оказалось всего три:

1. Возможность решения проблем транспорта и доступного жилья в районах с уже высокой плотностью жителей и острой нехваткой доступной земли (аргументы Гропиуса и Серта).

2. Возможность сокращения разрастания городов и защиты от них сельской местности.

3. Самое простое и приятное преимущество многоквартирных домов – это виды, которые открываются для их жителей [24].

В перечень плюсов, видимо для их количества, Уивер включил высокое качество архитектуры и высокий

уровень строительных технологий, но всё это вполне достижимо и в малоэтажном строительстве, если не ставить целью утешение собственного тщеславия проживанием рядом с именем знаменитого архитектора. Как достоинство, от противного, он указал на сообщество жильцов, которые при сносе дома будут разрушены – это и вовсе непригодный аргумент, так как в малоэтажной застройке с общественными центрами, следующей идее товарищества, все сообщества складываются снизу намного быстрее и они получаются гораздо устойчивее сообществ жильцов многоэтажных многоквартирных домов, запланированная разобщённость изолированных квартир которых препятствует их формированию. В многоэтажных домах, следующих идее господства, устойчивые на какое-то время сообщества могут сформироваться только сверху либо назначенным, либо избранным на место назначенного руководством во главе с сильным и харизматичным лидером. Таким лидером многоэтажного жилого комплекса Кокран Гарденс (Cochran Gardens) в Сент-Луисе была Берта Джилки, но даже это, при наличии значи-

тельной поддержки государства, только отсрочило на два десятилетия его ликвидацию – после того, как лидер был уличён в злоупотреблениях, сообщество распалось, старые жители многоэтажных домов из них ушли, новые перестали селиться, и затем, последовательно, все здания комплекса были снесены [5].

Недостатков, которые было невозможно игнорировать, оказалось больше:

1. Сложности в ремонте. Какие бы технологические инновации ни заявляли архитекторы, ремонт существующих многоэтажек может оказаться непомерно дорогим. Ремонт одного здания стоит как минимум в 10 раз дороже, чем его снос, поэтому, если что-то серьёзно пойдёт не так, самый дешёвый вариант – снести его. Окна гораздо труднее заменить на высоте 20-го этажа, чем на уровне улицы.

2. Проблема безопасности и порядка. В отличие от традиционного дома на улице, большая часть общественного пространства внутри и вокруг многоэтажного многоквартирного дома остаётся незаметной для его жителей. Отсутствие так называемого «защитимого пространства» означает, что многоэтажки могут быть пугающими местами для входа и выхода – страх перед преступностью в таких местах часто больше, чем она в реальности. И поскольку непонятно, кто отвечает за пространство вокруг многоэтажных домов, это пространство часто бывает заполнено мусором, брошенными машинами и граффити.

3. Проблема анонимности. Огромное число людей, входящих и выходящих из многоэтажных многоквартирных домов, означает, что жители не сомневаются в присутствии в их доме незнакомцев. В частных блоках безопасность можно значительно повысить, наняв портье, но такая роскошь обычно недоступна для стесненных в средствах муниципалитетов.

4. Проблема места. Многоэтажные дома могут быть действительно популярны только тогда, когда расположены в фешенебельных районах. Например, в то время как Trellick Tower Эрнэ Голдфингера в Ноттинг-Хилле очень популярен, Balfron Tower того же Голдфингера в немодных Tower Hamlets вызывает отвращение. Попробуйте рассказать жителям Парк-Хилл в Шеффилде, что они живут в современном шедевре.

5. Проблема детей. Жизнь в высотных домах особенно не подходит для семей с детьми из-за отсутствия внешнего пространства. Одна из причин, по которой у многоэтажных домов такая плохая репутация, заключается в том, что местные советы поместили так много семей во многоэтажные многоквартирные дома против их воли. Репутация этих домов может начать изменяться, если у людей будет больше выбора, где им жить. Однако останутся сомнения относительно такого типа здания, который в действительности подойдет только для тех, у кого детей нет [24].

Единственная проблема, которая решается достаточно просто, хотя и ценой дополнительных вложений, – проблема анонимности, она решается отгораживани-

ем здания от окружающего пространства путём установки домофонов. Проблему безопасности и порядка, видимо, можно решить приёмами комплексного архитектурного проектирования, но такой рецепт применим только к новым зданиям, так как старые перепроектировать невозможно, можно только снести – а это дополнительные и очень большие затраты, поэтому ни о каком социальном жилье, как изначально многоэтажные здания задумывал Вальтер Гропиус, речи быть не может. Ещё более непомерными затраты становятся при попытке решить проблему места – речь тут о развитии целого района города, который неизвестно каким путём, но каким-то образом должен стать престижным. Проблема содержания и ремонта многоэтажного дома, как социального жилья, решения не имеет. И в принципе не существует решения проблемы детей без насилия над их психикой, если многоэтажный дом для семьи является местом их постоянного проживания (рис. 7).

То есть, как социальное жильё, многоэтажные дома оказались в Великобритании полностью неприемлемы. Однако ряд единичных образцов уже построенных жилых башен, прежде всего отличавшихся высоким совершенством архитектурных форм, смогли пережить период своего упадка и вновь стали востребованы. В 1980-х гг. сперва в США, затем в Великобритании возникло движение Yurpie (яппи), сокращение от Young professional (молодой профессионал), обозначавшее, в полную противоположность Hippie (хиппи), молодёжи контркультуры 1960-х гг., которую карьера не интересовала совсем, молодёжь с хорошим образованием, занявшую после его получения хотя и первоначальные, но уже высокооплачиваемые должности «белых воротничков» в корпорациях, государственных учреждениях, финансовых или юридических компаниях и т. п., полностью сосредоточенную только на том, чтобы сделать свою карьеру и добиться финансового успеха. Создание семьи и рождение детей такому успеху могли лишь препятствовать. Поэтому некоторые многоэтажные жилые башни в престижных районах, после периода запустения и деградации в 1970–1980 гг., после приведения в порядок и повторного открытия в 1990-х, стали пользоваться популярностью у этого молодого, обеспеченного и бездетного населения.

Существенной предпосылкой успеха этих зданий стал престиж, обусловленный именами знаменитых британских архитекторов и статусом памятников архитектуры – примерами могут служить Keeling House и Trellick Tower, утратившие после восстановления статус социального жилья. Своё, особое место среди успешных сегодня высотных жилых комплексов в Лондоне занимает Barbican Estate. Расположенный в Сити, самом престижном районе, он никогда не был социальным жильём. Дополнительный престиж этому комплексу добавило размещение в его культурном центре Королевского шекспировского театра, Лондонского симфонического оркестра и Симфонического оркестра BBC. Квартиры здесь – фактически личные отели очень

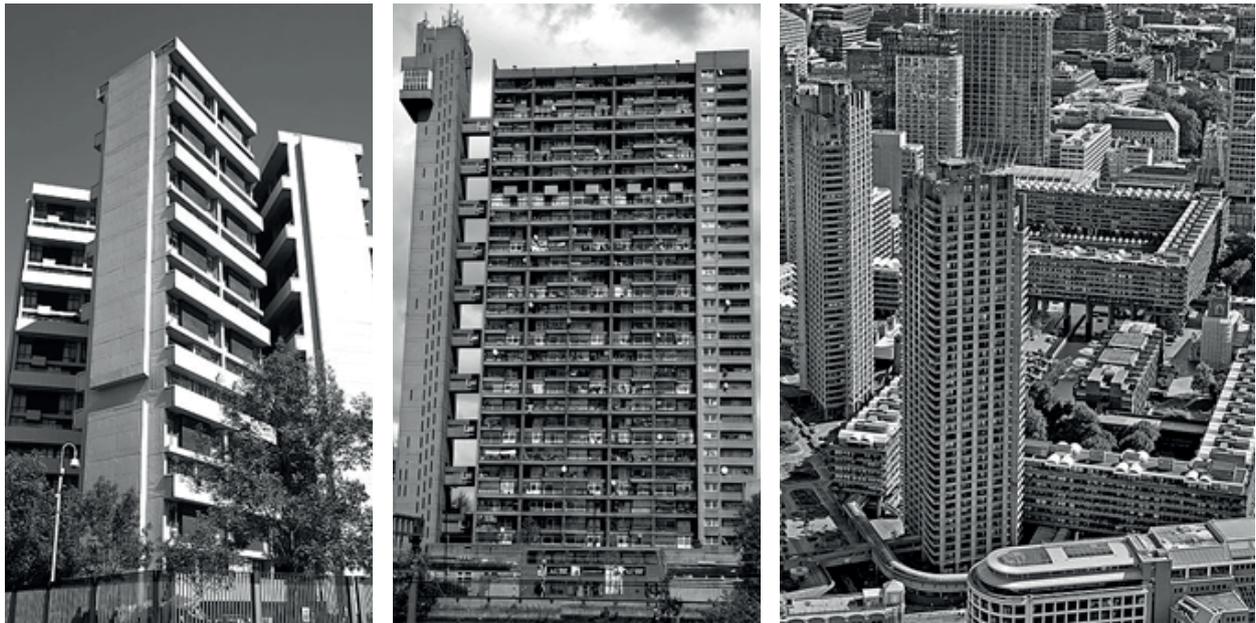

Рис. 7. Успешные сегодня высотные жилые комплексы Лондона: Keeling House (Арх. Дэнис Ласдэн, 1954-1957 г.), Trelick Tower (Арх. Эрнэ Голдфингер, 1968-1972 г.), Barbican Estate (Арх. Пупер Чемберлен, Джеффри Пауэлл, Кристоф Бон; 1969-1976 г.)

богатых людей, для отдыха после восприятия высокой музыки и столь же высокого театрального искусства.

Сегодня постепенно, но неуклонно, в Великобритании происходит снос многоэтажного жилья, страна возвращается к своей исторической традиции градостроительства, основанного на идее товарищества, то есть к вырастающим снизу самоуправляемым сообществам, которые возможны только в малоэтажной и среднеэтажной застройке. Препятствием этому является лишь недостаток средств у местных властей. Из свежих новостей такого рода можно привести начавшуюся в 2021 г. регенерацию жилого района улиц Ватерлоо и Квин-стрит лондонского округа Хейверинг, со сносом 11-этажных жилых башен и строительством 1380 единиц жилья средней этажности с зелеными зонами для игр и отдыха, а также деревенскими садами [25].

Афинская хартия в Соединённых Штатах Америки

Как нацию, градостроительство которой было основано на идее товарищества, Роман Хайлигенталь также назвал американцев [9, 10]. В США идеи Афинской хартии энтузиазма вызвали ещё меньше, чем в Британии. Когда Хосе Луис Серт в конце 1940 г. показал Льюису Мамфорду практически готовую книгу со своей, несколько доработанной по его замечаниям, версией Афинской хартии и попросил написать к ней предисловие, Мамфорд отказался и объяснил в письме Серту, почему он так сделал: «Четыре функции города не кажутся мне адекватными для градостроительства: жилье, работа, отдых и транспорт – всё это важно. Но как насчет политических, образовательных и культурных функций города, какова роль расположения и плана зданий, связанных с этими функциями, во всей эволюции городского планирования. ... Органы политической и культурной ассоциации, с моей точки зрения, являются

отличительными чертами города: без них есть только городская масса ... Я считаю их упущение главным недостатком рутинного городского планирования; и их отсутствие в программе СИАМ я нахожу почти необъяснимым. Если бы этому не было уделено некоторое внимание, хотя бы как области будущих исследований, мне было бы очень трудно написать введение, которое вы предложили» [26]. Позже, в письме своему другу Фредерику Осборну, Мамфорд выразился ещё конкретнее: «они [Серт и СИАМ] предприняли несколько бесплодных попыток ответить на мою критику; но урок, который они не смогли усвоить от [Эбенизера] Говарда, они вряд ли усвоят более эффективно от меня» [26]. Урок Эбенизера Говарда – это урок сообществ, являющихся основой формирования жизни в городе и, соответственно, основой градостроительства. О том, как идеи Афинской хартии потерпели крах и основой градостроительства в США стали совсем другие идеи, было подробно описано в предыдущих работах [5, 19].

Заключение

Такова была предыстория и история создания Афинской хартии, ставшей идейным основанием и манифестом многоэтажного жилищного строительства. На примере Британии было показано, при каких условиях и среди какой ограниченной группы людей такое жильё может быть востребовано. Либерализация строительства жилья и доставшийся от советского времени монополизм застройщиков привели в России к тому, что они стали диктовать населению, в каком жилье людям следует жить. Поэтому жилищное строительство в больших городах ведётся исключительно в многоэтажной застройке. Причиной этого также является сокращение вмешательства властей городов и государства в этот процесс, когда Генеральный план города и реальное развитие

города существуют независимо, друг с другом не пересекаясь [27]. Такое положение раньше складывалось и в других странах, но уроки, извлечённые из собственных ошибок, заставили городские власти этих стран активно вмешаться в процесс городского планирования и установить единые, безусловно исполняемые градостроительные регламенты. Если регламенты США и Британии, в силу отличия истории России от истории этих стран, могут представлять лишь академический интерес, история Германии значительно ближе к истории России и поэтому её строительные регламенты могут представлять интерес практический. В Германии нет ограничений на высоту жилых зданий, но ещё в 1960-х гг. во всех её землях приняты обязательные к исполнению регламенты обустройства детской площадки у многоквартирного дома. Полезная площадь такой игровой площадки (куда не входят дорожки и зелёные насаждения) должна составлять 3 кв. м на каждую квартиру, а общая не меньше 30 кв. м в Штутгарте (Баден-Вюртемберг), или 4 кв. м на каждую квартиру, а общая не меньше 50 кв. м в столице Берлине, или на каждые 25 кв. м жилья 1,5 кв. м полезной площади детской площадки, а общая не меньше 60 кв. м в Мюнхене (Бавария) [28]. Эти регламенты не только стали проявлением заботы о подрастающих детях, но и с момента их принятия резко сократили высоту и плотность вновь возводимой жилой застройки. Вместе с требованиями обеспечения парковки автомобилей (как правило, не меньше одного места на квартиру) они стали причиной того, что строить многоквартирные жилые здания высотой более четырех этажей в Германии стало экономически невыгодно. Наглядный пример Германии показывает, что сведение в Афинской хартии функций города к четырём: жилища, места работы, места отдыха и функции связи между первыми тремя (дороги), при отсутствии внимания к его социальным функциям, при наличии политической воли вполне можно исправить социальными методами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филиппов В.Д. Градостроительство и здоровье // Innovative project. 2021. Т.6, № 12. С. 6-12. DOI: 10.17673/IP.2021.6.12.1.
2. Филиппов В.Д. Происхождение строчной застройки // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 2. С. 147-159. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.02.20.
3. Perry Clarence Arthur. City Planning for Neighborhood Life. Social Forces. 1929. V.8. I. 1. P. 98-100. DOI: 10.2307/2570059.
4. Johnson Philip. Otto Haesler and His Work. Modern architecture: international exhibition. New York. Feb. 10 to March 23. Museum of Modern Art. 1932. P. 192-193.
5. Филиппов В.Д. Сент-Луис и гибель архитектуры модернизма // Innovative project. 2016. Т.1, № 4. С. 13-23. DOI: 10.17673/IP.2016.1.04.2.
6. Koeppen Walter. Forschungssiedlung Spandau-Haselhorst. Zeitschrift für Bauwesen. 1929. P. 79-110.
7. Heiligenthal Roman. Der Wettbewerb um Vorentwürfe für die Forschungs-Siedlung Haselhorst. Städtebau. 1929. P. 92-96.
8. Hoppe Joseph, Kupfer Nico (Hrsg.). Spandau und Siemensstadt. Berliner Schriften zur Industriekultur: Band 1. Berliner Zentrum Industriekultur. Amman-Verlag. 2021. P. 38-39. Available at: <https://industriekultur.berlin/wp-content/uploads/bzi-Schriftenreihe-Band1-Spandau-Reichsforschungssiedlung.pdf> (accessed 12 January 2024).
9. Heiligenthal Roman. „Staat und Siedelung“. Festrede gehalten vor der gesamtheit der studentenschaft in der Aula der Technischen Hochschule Karlsruhe am 18. Januar 1932. Karlsruher Akademische Reden. Druck und Verlag C. F. Müller. Karlsruhe. 1932. 18 p. Available at: <https://digital.blb-karlsruhe.de/blbihd/content/titleinfo/6123459> (accessed 14 January 2024).
10. Филиппов В.Д. Роман Хайлигенталь: Градостроительство товарищества и господства // Innovative project. 2022. Т.7, №13. С. 42-55. DOI: 10.17673/IP.2022.7.13.4.
11. Gropius Walter. Flach- Mittel- oder Hochbau? Aus dem Vortrag von Arch. Prof. Walter Gropius, gehalten am Internat. Kongress für Neues Bauen. Brüssel 1930. Schweizerische Bauzeitung. 1931. Jg. 97/98. Heft 8. P. 95-101. DOI: 10.5169/seals-44738.
12. Baumeister Reinhard. Bauordnung und Wohnungsfrage. Städtebauliche Vorträge. Band 4. Heft 3. Verlag von Wilhelm Ernst & Sohn. Berlin. 1911. 41 p.
13. Коньшева Е.В. Московский конгресс CIAM: история несостоявшегося события // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 60-75. DOI: 10.17223/22220836/33/5.
14. Mumford Eric. The CIAM Discourse on Urbanism. 1928-1960. Foreword by Kenneth Frampton. MIT Press. Cambridge Mass. 2000. P. 73-91.
15. Gold John R. Creating the Charter of Athens: CIAM and the Functional City. 1933-1943. The Town Planning Review. 1998. V. 69. N. 3. P. 225-247. DOI: 10.3828/tpr.69.3.2357285302gl032l.
16. Sert José Luis. Can our cities survive? An ABC of urban problems, their analysis, their solutions, based on the proposals formulated by the C.I.A.M. (International Congresses for Modern Architecture / Congrès Internationaux d'Architecture Moderne). Cambridge. MA. Harvard University Press. 1942. 259 p.
17. Le Corbusier. La Charte d'Athènes: Avec un Discours liminaire de Jean Giraudoux. La Librairie Plon; Impr. de A. Tournon. Paris. 1943. 243 p.
18. Le Corbusier «Urbanisme», Éditions Crès, Collection de «L'Esprit Nouveau». Paris. 1924.
19. Филиппов В.Д. Дезурбанизм: советская утопия и американская практика // Innovative Project. 2017. Т. 2. №2. С. 50-69. DOI: 10.17673/IP.2017.2.02.6.
20. Abercrombie Patrick. International Contributions to the Study of Town Planning and City Organisation. The Town Planning Review. 1913. V. 4. N. 2. P. 98-117. DOI: 10.3828/tpr.4.2.h48w40643806m701.
21. The Proud City. A Plan for London (Movie). Greenpark Productions. Director Ralph Keene. 1946.
22. Boys Smith Nicholas, Morton Alex. Create streets: not just multi-storey estates. Policy Exchange. 2013. 70 p. Available at: <https://www.bl.uk/collection-items/create-streets-not-just-multi-storey-estates> (accessed 15 January 2024).
23. Glendinning Miles, Muthesius Stefan. Tower Block: Modern Public Housing in England. Scotland. Wales and Northern Ireland. Yale University Press. 1994. 420 p.
24. Weaver Matthew. Ups and downs of high-rise living. The Guardian. 2002. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2002/jan/18/urbandesign.housingpolicy> (accessed 12 January 2024).
25. Demolition of old tower blocks heralds progress at Waterloo Estate. Havering London Borough Council. 22 November 2021.

Available at: https://www.havering.gov.uk/news/article/1032/demolition_of_old_tower_blocks_heralds_progress_at_waterloo_estate (accessed 12 January 2024).

26. Mumford Eric. Shaping American Urban Public Space from CIAM to New Urbanism. *PosFAUUSP*. 2001. N. 10. P. 112-125. DOI: 10.11606/issn.2317-2762.v0i10p112-125

27. Корякин Ю.М. Генеральный план Самары: проект и реальность // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и градостроительство: сборник статей. Самара, 2019. С. 656-665.

28. Филиппов В.Д. Многоэтажное жильё: коммуны и казармы // Теоретические основы градостроительства. X Владимирские чтения: сборник статей. Самара, 2020. С. 149-179. DOI: 10.17673/RAACS.2020.1.15.

REFERENCES

1. Filippov V.D. Urban planning and health. *Innovative project*. 2021. Vol. 6, No. 12. P. 6-12. DOI: 10.17673/IP.2021.6.12.1

2. Filippov V.D. Origin of zeilenbau. *Urban construction and architecture*. 2020. Vol. 10, No. 2. pp. 147-159, DOI: 10.17673/Vestnik.2020.02.20

3. Perry, Clarence Arthur. *City Planning for Neighborhood Life*. Social Forces, Volume 8, Issue 1, September 1929, Pages 98-100, DOI: 10.2307/2570059

4. Johnson, Philip. *Otto Haesler and His Work*. Modern architecture: international exhibition, New York, Feb. 10 to March 23, 1932, Museum of Modern Art, pp.192-193.

5. Filippov V.D. St. Louis and the death of modernist architecture. *Innovative project*. 2016, Vol. 1, No. 4, p. 13-23, DOI: 10.17673/IP.2016.1.04.2

6. Koeppen, Walter. *Forschungssiedlung Spandau-Haselhorst*. *Zeitschrift für Bauwesen*. 1929, Jg.79, Heft 4, s. 79-110.

7. Heiligenthal, Roman. *Der Wettbewerb um Vorentwürfe für die Forschungs-Siedlung Haselhorst*. *Städtebau*, 1929, Band 24, Heft 4, s. 92-96.

8. Hoppe Joseph, Kupfer Nico (Hrsg.). *Spandau und Siemensstadt*. *Berliner Schriften zur Industriekultur*: Band 1. Berliner Zentrum Industriekultur. Amman-Verlag, 2021, 56 s., s. 38-39. URL: <https://industriekultur.berlin/wp-content/uploads/bzi-Schriftenreihe-Band1-Spandau-Reichsforschungssiedlung.pdf>

9. Heiligenthal, Roman. „Staat und Siedelung“. *Festrede gehalten vor der gesamtheit der studentenschaft in der Aula der Technischen Hochschule Karlsruhe* am 18. Januar 1932. *Karlsruher Akademische Reden*. Druck und Verlag C. F. Müller. Karlsruhe, 1932, 18 s. <https://digital.blb-karlsruhe.de/blbihd/content/titleinfo/6123459>

10. Filippov V.D. Roman Heiligenthal: Urban planning of partnership and domination. *Innovative project*. 2022. Vol.7, No.13. pp. 42-55. DOI: 10.17673/IP.2022.7.13.4 (a translation into Russian of the work “Staat und Siedelung” by Roman Heiligenthal is provided)

11. Gropius, Walter. *Flach-, Mittel- oder Hochbau?* *Aus dem Vortrag von Arch. Prof. Walter Gropius, gehalten am Internat. Kongress für Neues Bauen, Brüssel 1930*. *Schweizerische Bauzeitung*, 1931, Jg. 97/98, Heft 8, s. 95-101, DOI: 10.5169/seals-44738

12. Baumeister, Reinhard. *Bauordnung und Wohnungsfrage*. *Städtebauliche Vorträge*. Band 4. Heft 3. Verlag von Wilhelm Ernst & Sohn, Berlin, 1911. 41 s., s. 22.

13. Konyshva E.V. *Moscow CIAM Congress: the history of a failed event*. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*. 2019, No. 33, p. 60-75. DOI: 10.17223/22220836/33/5

14. Mumford, Eric. *The CIAM Discourse on Urbanism, 1928-1960*. Foreword by Kenneth Frampton. MIT Press, Cambridge, Mass., 2000, 375 p., pp. 73-91.

15. Gold, John R. *Creating the Charter of Athens: CIAM and the Functional City, 1933-43*. *The Town Planning Review*, 1998, Vol. 69, No. 3, pp. 225-247, DOI: 10.3828/tpr.69.3.2357285302gl032l

16. Sert, José Luis. *Can our cities survive? An ABC of urban problems, their analysis, their solutions, based on the proposals formulated by the C.I.A.M. (International Congresses for Modern Architecture / Congrès Internationaux d'Architecture Moderne)*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1942, 259 p.

17. Le Corbusier. *La Charte d'Athènes: Avec un Discours liminaire de Jean Giraudoux*. La Librairie Plon; Impr. de A. Tournon, Paris, 1943, 243 p.

18. Le Corbusier «Urbanisme», Éditions Crès, Collection de «L'Esprit Nouveau», Paris, 1924

19. Filippov V.D. *Disurbanism: Soviet utopia and American practice*. *Innovative Project*. 2017. Vol. 2. No. 2. pp. 50-69. DOI: 10.17673/IP.2017.2.02.6

20. Abercrombie, Patrick. *International Contributions to the Study of Town Planning and City Organisation*. *The Town Planning Review*, 1913, Vol. 4, No. 2, pp. 98-117. DOI: 10.3828/tpr.4.2.h48w40643806m701

21. *The Proud City. A Plan for London* (Movie), Greenpark Productions, Director Ralph Keene, 1946.

22. Boys Smith, Nicholas; Morton, Alex. *Create streets: not just multi-storey estates*. Policy Exchange, 2013, 70 p. URL: <https://www.bl.uk/collection-items/create-streets-not-just-multistorey-estates>

23. Glendinning, Miles; Muthesius, Stefan. *Tower Block: Modern Public Housing in England, Scotland, Wales, and Northern Ireland*. Yale University Press, 1994, 420 p.

24. Weaver, Matthew. *Ups and downs of high-rise living*. *The Guardian*, 18 Jan 2002. URL: <https://www.theguardian.com/society/2002/jan/18/urbandesign.housingpolicy>

25. *Demolition of old tower blocks heralds progress at Waterloo Estate*. *Havering London Borough Council*, 22 November 2021, URL: https://www.havering.gov.uk/news/article/1032/demolition_of_old_tower_blocks_heralds_progress_at_waterloo_estate

26. Mumford, Eric. *Shaping American Urban Public Space from CIAM to New Urbanism*. *PosFAUUSP*, 2001, N. 10, p. 112-125, DOI: 10.11606/issn.2317-2762.v0i10p112-125

27. Koryakin Yu.M. *Master plan of Samara: project and reality*. *Traditions and innovations in construction and architecture*. *Architecture and urban planning*. Samara, 2019. pp. 656-665.

28. Filippov V.D. *Multi-story housing: communes and kazarms*. *Theoretical foundations of urban planning*. X Vladimirov readings. *Digest of articles*; Samara, 2020. pp. 149-179. DOI: 10.17673/RAACS.2020.1.15

Для ссылок: Филиппов В.Д. Вальтер Гропиус, История IV конгресса CIAM, Афинская хартия и некоторые её итоги // *Innovative project*. 2024. Т.9, №15. С. 11-24. DOI: 10.17673/IP.2024.9.15.2.

For references: Filippov V.D. Walter Gropius, History of the IV CIAM Congress, the Athens Charter and some of its results. *Innovative project*. 2024. Vol.9, No.15. pp. 11-24. DOI: 10.17673/IP.2024.9.15.2